

А. А. Дубакова

**«Европравославие» сквозь призму литературы:
«агиографические» детективы Бориса Акунина**

В статье исследуются аспекты отражения в трилогии Б. Акунина «Провинциальный детектив» такой особенности современной религиозной ситуации в России, как «европравославие». В романах трилогии «европравославные» тенденции проявляются в нетрадиционности образов персонажей, прямо связанных с православием, в радикальности жанрового синтеза, в общей эротической тональности текста.

Ключевые слова: Б. Акунин, «европравославие», синтез жанров, «эротизация» текста, индивидуализм, толерантность, экуменизм, ирония.

A. A. Dubakova

"Euroorthodoxy" in the Light of Literature: "Hagiographical" Detective Novels by B. Akunin

The article analyzes aspects of reflection in B. Akunin's trilogy "a Provincial Detective Novel" of such a feature in the modern religious situation in Russia as "euroorthodoxy". In the novels of trilogy "Euroorthodox" tendencies are exhibited in nontraditionality of characters' images directly connected with orthodoxy, in efficacy of genre synthesis, in a general erotic tone of the text.

Keywords: B. Akunin, "euroorthodoxy", genre synthesis, "erotization" of the text, individualism, tolerance, ecumenism, irony.

Осмывая особенности современной религиозной ситуации в России, ряд социологов и религиоведов констатирует, что одной из характерных черт этой ситуации оказывается изменение подхода верующих к традиционным религиям в направлении формирования «большого индивидуализма, социальной активности, толерантности и экуменизма» [5, с. 132]. В результате этого изменения «возникает новое, несвойственное традиционному русскому православию, движение» [5, с. 132], которое можно назвать «европравославием». Для нового типа верующих характерно, например, «негативное отношение к церковной иерархии, стремление к автономии в вопросах веры» [5, с. 132] и ориентация на исповедание и распространение некоего условного базового набора европейских ценностей.

Приметы перемен, зародившихся в пространстве современной российской религиозности, можно обнаружить в различных сферах человеческой деятельности и в частности в художественной литературе, отражающей и формирующей общественные взгляды.

Наиболее ярко, на наш взгляд, «европравославные» тенденции, о которых сказано выше, проявились в цикле романов Б. Акунина о монахини Пелагии, вышедших под общим названием «Провинциальный детектив», цикле, в котором

акцентируется внимание на многих актуальных проблемах конца XX – начала XXI в., хотя повествование ведется о жизни XIX в.

Собственно «европравославие» этого цикла начинается не с системы европейски ориентированных идей, озвучиваемых главными героями романов и касающихся самых различных сторон общественной и религиозной жизни, а непосредственно с жанра, избранного автором. Жанр же, поначалу как бы сводимый только к детективу, к третьему роману «Пелагия и красный петух» усложняется до агиографии. Так, последняя глава этого романа с названием «Евангелие от Пелагии» конспективно повествует не только о метафизических путешествиях Эммануила-Христа в последнюю перед распятием ночь, но и непрямо намекает на будущую житийную судьбу православной монахини и заставляет иначе взглянуть на все ее предшествующие сыщические подвиги и чудеса (иначе сказать, агиографичность ретроспективно распространяется также и на предыдущие романы).

Соединение в рамках одного произведения жанров жития и детектива указывает на стремление автора секуляризовать традиционный и в высшей степени канонический жанр православной агиографии, трансформировать религиозное в светское, что во многом свойственно именно ев-

ропейской религиозной ситуации. (Нужно заметить, что в этом отношении Б. Акунин идет даже дальше, чем его литературный предшественник Г. К. Честертон, который, хотя и сделал главным героем своих детективных рассказов католического священника о. Брауна, никак не намекал на возможную святость своего персонажа.)

Сам факт насыщенной сюжетности и наличие динамической, прямой, а не статической, обратной перспективы при рассказе о восхождении изображаемой святой Пелагии к Богу у Б. Акунина также говорят, скорее, о западной агиографической традиции, нежели о восточной, и, соответственно, наводят на мысль о «европравославных» тенденциях цикла.

Кстати, житийная тема возникает в цикле и вне центральной сюжетной линии. И оба раза «высокая» житийность оказывается «снижена» – либо иронией, либо рационализмом. Так, в романе «Пелагия и белый бульдог» монахиня на замечание преосвященного Митрофания о блаженном Диадохе отвечает: «Ваш Диадок, владыко, известный мракобес. Он и мыться запрещает» [1, с. 27]. Во втором романе цикла «Пелагия и черный монах» повествователь, пересказывая житие св. Василиска, повсеместно оговаривается, пытаясь объяснить читателю чудеса с рационалистических позиций.

Как «европравославный» можно охарактеризовать, кроме того, подход к описанию жизненной позиции и сущностных внутренних черт героини-святой «Провинциального детектива». Так, для святого традиционного православного жития (как, собственно, и для любого традиционно верующего православного человека) характерно преимущественное упование на Бога в религиозных и мирских делах. Пелагия же на этот счет, по всей видимости, имеет иные воззрения: ее любознательность и жар в установлении истины не через молитву (чего следовало бы ожидать от инокини), а посредством детективного расследования, а также ее стремление сопротивляться самой разной несправедливости свидетельствуют и о повышенном индивидуализме, и о высокой социальной активности: «чересчур жива, непоседлива, любопытственна и в движениях нечинна» [1, с. 22], – так характеризует ее владыка.

Таких же «европравославных» взглядов придерживается и ее духовный отец, преосвященный Митрофаний, который «на словах был совершеннейший фаталист, любил повторять: “Ежели Богу угодно, то непременно сбудется, а если Богу не угодно, то и мне не надобно”, но при этом «на

деле больше руководствовался максимой “На Бога надейся, а сам не плошай” и, надо сказать, плошал редко, не обременял Господа лишними заботами» [4, с. 31–32].

Во всяком случае, концентрация общественной активности и степень реализации посылки известной русской пословицы применительно к Пелагии и о. Митрофанию, судя по романам, на порядок превышает средний общероссийский уровень.

Ко всему прочему, повествователь при рассказе о молодости о. Митрофания и о его пути к высокому церковному чину использует показательную модальность глагола, характеризующего этого персонажа: «Незаурядный человек проявит себя на любом поприще» [1, с. 12], – вместо, например, «Незаурядный человек будет проявлен Господом на любом поприще». При этом интересно, что о. Сергей, персонаж одноименной повести Л. Н. Толстого, черты которого можно разглядеть в о. Митрофании, наоборот, всячески поприщется автором за его излишнюю индивидуализированность и суетную монашескую, а на поверку – мирскую активность.

«Европравославными» персонажами оказываются о. Митрофаний и Пелагия также, если собрать вместе все высказываемые ими идеи, касающиеся веры и религии. Очевидно, что в этой паре героев более вольнодумной является Пелагия, однако, несмотря на видимую ревность по традиционности православия, о. Митрофаний озвучивает порой взгляды, в устах духовной православной особы такого ранга звучащие как минимум странно. Так, о. Митрофаний говорит *о таинствах*: «Соборовать? Отчего же, можно и соборовать, елеосвящение и для здоровья полезно» [1, с. 159]; *о сатане*: «Нет никакого беса, а есть зло, бесформенное и вездесущее, оно и искушает души» [1, с. 187]; *о вечных муках*: «Думается мне, что адские муки у нас не навечно задуманы. Православный ад то же чистилище и есть» [4, с. 373]. Пелагия замечает о самоубийцах: «– Нет прощения? <...> Ни одному из самоубийц? <...> А если кому жизненная ноша не вмоготу оказалась?» [4, с. 144]; *о гомосексуалистах* (без осуждения, более чем терпимо для православной монахини): «Каких только существ нет у Господа Бога, подивилась Пелагия» [2, с. 44].

И тот и другая прямо или косвенно высказывают экуменические мысли. Так, преосвященный говорит В. Бубенцову: «У меня в епархии новообращенных мало, потому что не вижу резона раскольников, мусульман и немецких колонистов

в православии переманивать. По мне пусть всякий верует как хочет, только бы в Бога веровал, а не в дьявола» [1, с. 73]. (Интересно, что, описывая содержание личной библиотеки о. Митрофания, автор среди разных книг называет только «Внутренний замок» католической святой Терезы Авильской и «Одеяния духовного брака» фламандского мистика Иоганна Рюйсбрука.)

Пелагия, оказавшаяся в Яффе, экуменически замечает, что над всей «какофонией плыл безнадежный баритон муэдзина, казалось, отчаявшийся напомнить сему вавилону о существовании Бога» [2, с. 215].

То же исповедует и М. Бердичевский, признающийся самому себе, что «вся его религиозность зиждется на любви не к Иисусу, которого Матвей Бенционович никогда в глаза не видывал, а к преосвященному Митрофанию. То есть, если предположить, что духовным отцом Мордки Бердичевского оказался бы не православный иерей, а какой-нибудь премудрый шейх или буддийский бонза, то ходить бы теперь коллежскому советнику в чалме либо в конической соломенной шляпе» [4, с. 163].

Еще более радикальные европейские либеральные взгляды высказывает Эммануил-Христос: «Про церковь я сказал ему [Победину], что ее вовсе не нужно. И попов не нужно. Всякий должен пройти свой путь сам, и поводырем может стать любой хороший человек, а иногда даже плохой. <...> И что это за ремесло такое – поп? <...> И почему только мужчины могут быть попами?» [3, с. 261]; «В плотских ласканиях греха нет, и, наоборот, грех против Бога совершают те, кто свою плоть иссушает воздержанием. Единственно, не нужно унижать и оскорблять это радостное таинство» [курсив наш. – А. Д.] [3, с. 260].

Последнее замечание, кстати, соотносится с центральным, сквозной нитью проходящим через все три романа подходом к изображению православной монахини Пелагии. Этот подход, также прямо связанный с «европравославием» цикла «Провинциальный детектив», можно обозначить словом «эротизация» («эротизация» в европейском ключе обмирщает образ православной инокини и легитимизирует сексуальное в религии).

Данный подход проявляет себя, например, в мотиве периодического переодевания Пелагии и превращения ее в Полину Лисицыну. Причем эротическое напряжение создается как самим фактом переодевания монахини в весьма вольную одежду (фактом «кошунственной» с религи-

озной точки зрения трансформации ее облика) и реакцией окружающих на это переодевание: «...все они [мужчины] проявляли самый живой интерес к ее белой коже, блестящим глазам и прическе “бронзовый шлем”» [1, с. 238]; так и очень свободными, хотя и невольными, рассуждениями Пелагии относительно этой своей трансформации: «Мужчины оказывают внимание <...> не всем женщинам, а только тем, кто им некий знак подает <...> взглядом там, или внезапным румянцем, или вообще неким неуловимым запахом, до которого мужские носы чрезвычайно чувствительны» [1, с. 238].

Кроме того, Пелагия неоднократно оказывается в неловких, пикантных ситуациях, когда она вынуждена смотреть на естество голого мужчины. Например, при встрече с якобы сошедшим с ума Алёшей Ленточкиным и при осмотре убитого псевдо-Мануйлы: «...смотреть на труп было мучительно из-за того, что ночная рубашка на покойнике задралась, обнажив бледный волосатый живот и срамное место, до которого, впрочем, черница постаралась взглядом не спускаться» [2, с. 56].

В облике Полины Лисицыной сестра Пелагия не раз подвергается попыткам сексуального нападения: в «Белом бульдоге» и «Черном монахе» на нее набрасываются, но оба раза перешедшие границу дозволенного получают жесткий и болезненный отпор.

Сама сестра Пелагия оказывается не избавлена от искушений, чему свидетельством эпизод небольшой главы в «Черном монахе» с названием «Искушение святой Пелагии» (возвращаясь к вопросу о жанре жития в «Провинциальном детективе»), и искусительный, подавляемый интерес Пелагии к следователю С. Долинину в «Красном петухе».

Романы наполнены фривольными шутками, например, шутками повествователя, как бы берегущегося двусмысленности и тем самым ее намеренно создающего: «Во избежание двусмысленности, придется вновь привести именование героини нашего повествования в соответствии ее новому облику <...> Иначе не избежать двусмысленных фраз вроде “Полина Андреевна заглянула в братские кельи”» [4, с. 290].

Или шутки его же – через персонажей вроде «разинца» в «Красном петухе», недослышавшего, про какой грех толкуют о. Митрофаний и Пелагия: «В другое время Колобок с большим интересом послушал бы про грех, приключившийся между владыкой и монашкой» [2, с. 29] (кстати,

это фривольное замечание в конце романа «Пелагия и красный петух» обернется драматичным сном о. Митрофания о возможной мирской соединенности судеб – его и Пелагии). Высказывания других персонажей также далеко не всегда скромны по отношению к религии: «Нет, правда, Поль, зачем тебе? Из монашек да сразу в Содом! – залилась смехом Малке» [3, с. 74].

Помимо фривольных шуток, романы цикла полны постмодернистской пародийности на грани и светских шуток на тему религии. В качестве одного примера из множества можно обратить внимание на капитана монастырского парохода – инока Иону, командующего своими иноками-матросами посредством примерно следующих выражений: «Кадило тебе в гузно!» [4, с. 152]. В этом же духе выражается и капитан Лагранж, говорящий испугавшемуся монаху: «А ну-ка, вставайте, отче, не то евхаристию набок сворочу» [4, с. 96].

Стоит отметить еще одну «европравославную» тенденцию, имеющуюся в романах, – феминизм. Во-первых, среди прочих самым способным к расследованию запутанных ситуаций человеком намеренно оказывается не кто-нибудь, а именно Пелагия (в «Черном монахе» это даже принимает форму соревнования, в котором, наряду с Пелагией, участвуют Алёша Ленточкин, капитан Лагранж, Матвей Бердичевский и о. Митрофаний). Во-вторых, Пелагия постоянно спорит с преосвященным если не о преимуществе полов, то об их равенстве.

Итак, цикл романов Б. Акунина «Провинциальный детектив» проявляет в себе новую тенденцию в рамках современной религиозной российской ситуации, которую социологи и религиоведы называют «европравославием». «Европравославие» находит отражение в системе взглядов главных героев цикла, в выборе автором жанра произведений (детектив+агиография), в подходах к созданию образов персонажей, а также в общей иронической и эротической тональности романов. Все это в совокупности отражает новую православную ментальность, для которой характерны повышенный индивидуализм, религиозная терпимость, доходящая до экуменичности, вероучительный скептицизм, социальная инициативность.

Библиографический список

1. Акунин, Б. Пелагия и белый бульдог [Текст] / Б. Акунин. – М. : АСТ, 2005. – 397 с.
2. Акунин, Б. Пелагия и красный петух [Текст] : в 2-х т. Т. 1. / Борис Акунин. – М. : АСТ, 2004. – 318 с.
3. Акунин, Б. Пелагия и красный петух [Текст] : в 2-х т. Т. 2. / Борис Акунин. – М. : АСТ, 2004. – 267 с.
4. Акунин, Б. Пелагия и черный монах [Текст] / Б. Акунин. – М. : АСТ, 2005. – 461 с.
5. Налётова, И. Н. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности [Текст] / И. Н. Налётова // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 130–136.